«Проблема вины» в трудах Карла Ясперса

В.В. Рулинский

Статья посвящена «проблеме вины» - ответственности Германии за утверждение нацизма и развязывание Второй мировой войны. В ней анализируется книга философа-экзистенциалиста Карла Ясперса «Вопрос о вине» (Shuldfrage) и рассматривается роль К. Ясперса в формировании немецкой послевоенной парадигмы мышления.

За последнее время «проблема вины» стала очень важным вопросом во взаимоотношениях между различными странами. Для одних государств желание утвердить историческую и нравственную справедливость становится камнем преткновения в двусторонних отношениях, для других – открывает возможность примирения и прощения давних обид. Так, известен опыт публичного принесения извинений главами государств за преступления своего народа и его руководства. Однако этим не может ограничиваться решение «проблемы вины».

По мнению немецкого философа Карла Ясперса, «проблема вины» требует глубинного нравственного и духовного преодоления, связанного не только с насильственным наказанием за совершенные преступления, но и с внутренним обновлением человека.

В послевоенной Германии «проблема вины» приобрела особое значение в контексте «денацификации», начатой после проведения в Потсдаме конференции «большой тройки» союзников. Задача перевоспитания и наказания активных сторонников нацизма сразу же встретила серьезное противодействие. И тому были объяснения: только официальных членов НСДАП в Германии насчитывалось около 8 млн. (еще 4 млн. составляли члены нижестоящих организаций). И это была лишь верхушка айсберга. «Всесильная партийная бюрократия разветвлялась вниз, вплоть до уровня отдельных домов, где маленькие партийные работники выведывали политические взгляды. Как нужно было в таких условиях проводить денацификацию немцев?[1]» - задается вполне справедливым вопросом Д. Франк, автор книги «Годы нашей жизни. 1945-1949».

В соответствии с планом денацификации были распущены все организации НСДАП, ее членам и функционерам запрещалось занимать государственные посты. В 1945 г. в четырех зонах оккупации было арестовано 270 тыс. лиц с нацистским прошлым. Для населения, утверждавшего, что оно ничего не знало о преступлениях гитлеровского режима, проводились принудительные экскурсии в концлагеря. Показательный характер имел и Нюрнбергский процесс, завершившийся казнью главных обвиняемых.

Впрочем, расправа над лидерами нацизма еще не означала окончательной победы. Как отмечает профессор истории Йенского университета Н. Фрай, «все прочие процессы (за исключением трибунала над главными обвиняемыми – В.Р.)… наталкивались с самого начала на реакции враждебности (Abwehr) и протеста (Widerspruch)[2]». Это неудивительно. «Практическое осуществление кампании, названной «денацификация», означало то, что каждый совершеннолетний немец был подвергнут тщательной процедуре проверки[3]», - утверждает юрист, профессор У. Айзенхардт. Были сформированы специальные суды («Spruchkammern»), которые определяли степень вовлеченности людей в преступления нацизма. Только в западных зонах оккупации эти суды рассмотрели к 1949 г. 3,6 млн. дел.

В общественном сознании все больше утверждалась мысль, что затеянное победителями мероприятие превращается в пародию на справедливость. Карикатурист Брокманн не случайно изобразил выстроившихся в шеренгу немцев с откидными головами, которые они предъявляют офицеру для осмотра. «Нужно себе представить, как глубоко пронизала немецкое население на-

Рулинский Василий Васильевич – аспирант кафедры философии МГИМО(У) МИД России. E- mail: vas_ru@mail.ru

ционал-социалистическая система, чтобы признать наивную дерзость намерений… с помощью «денацификации» очистить весь народ от зла и с помощью перевоспитания научить его добру[4]». Согласно опросу, проведенному в 1945-1946 годах американским военным командованием, более трети немцев заявили, что национал-социализм был хорошей идеей, которая лишь была плохо реализована[5].

Не удивительно, что на этом фоне сама идея денацификации зачастую подвергалась профанации. Доходило до того, что оправдательные документы покупались за кусок мяса, а некоторые нацисты шантажировали друг друга: «Если ты скажешь что-нибудь про меня, тогда я расскажу про тебя[6]». В результате закоренелые нацисты порой оказывались новыми демократами, а «попутчики» режима должны были нести ответственность только потому, что они не желали быть такими изворотливыми.

В послевоенном обществе отсутствовала солидарность по основному вопросу: отношению к нацистскому прошлому. «Состояние умов в «час ноль немецкой истории» было под стать хаосу на улицах германских городов <…> Потсдамский тезис о «коллективной вине» немецкого народа за преступления гитлеровского режима, которая сделала неизбежной оккупацию страны, был отвергнут общественным мнением, но вопрос о причинах произошедшей катастрофы оставался для него центральным. Интеллектуалы подчеркивали роковое стечение обстоятельств, рассуждали о незрелости первой германской демократии, о Гитлере как новоявленном антихристе. В массах преобладали апатия и отторжение большой политики веймарского образца, на деятелей которой возлагалась ответственность за закулисные махинации, приведшие к власти НСДАП[7]».

Жители Германии не желали задумываться о прошлом, которое легло тяжелым грузом не только с моральной, но и с практической точки зрения. «Люди погружались в состояние сочувствия самим себе и в состояние самооправдания, – пишет историк Н.Смирнова. - Лишь немногие признавали свою ответственность за ужасы нацистского режима. Понятно, что немцы были на исходе своих физических и моральных сил, однако их поведение в «нулевой час» оказалось на удивление малодушным[8]».

Со всей очевидностью выступала необходимость проведения тщательной работы с населением, направленной на «перевоспитание» «попутчиков» режима, обычных немцев, слабо интересовавшихся политикой. Требовалось осмыслить произошедшее, выявить истоки и причины утверждения нацизма, разработать программу возрождения страны.

Ключевую роль в формировании послевоенного самосознания Германии сыграл философ Карл Ясперс. Именно он стал во главе общественно-политической дискуссии, нацеленной на выработку единого подхода к тоталитарному прошлому и способов его преодоления. Написанная К. Ясперсом книга «Вопрос о вине» открыла путь к философскому осмыслению нацистской трагедии и формированию самосознания немецкой нации, явившись ответом на кризис идентичности, проявившийся в первые послевоенные годы.

Следует отметить, что наряду с французским мыслителем Габриэлем Марселем немецкий философ Карл Ясперс является крупнейшим представителем религиозного экзистенциализма. Сергей Левицкий называет его даже «главой христианского экзистенциализма – философом крупнейшего ранга, одним из властителей дум современности[9]».

Карл Теодор Ясперс родился в 1883 году в Ольденбурге. Закончив в 1909 году медицинский факультет Гейдельбергского университета, он защищает докторскую диссертацию, которая впоследствии была положена в основу книги «Общая психопатология» (1913). В Гейдельберге он знакомится и много общается с Максом Вебером, и вскоре интерес к философии побуждает его стать профессиональным философом. В 1919 году выходит его работа «Психология мировоззрений», затем «Духовная ситуация времени» (1931), «Философия» (1932).

Нацистскую катастрофу Карл Ясперс встретил в Германии. Будучи женатым на еврейке (Гертруде Майер), он потерял почти все права на родине, в том числе право на издание своих работ. В 1937 году его отстранили от преподавания в университете. Несмотря на глубокую антипатию к режиму Гитлера, мыслитель решил не эмигрировать. Каждый день он с тревогой ожидал ареста и тем не менее продолжал писать «в стол». Только в конце войны, когда возникла угроза депортации жены, философ стал подумывать о переезде в Швейцарию, но так и не осуществил его[10].

Как отмечает американский исследователь А. Рабинбах, среди немецких интеллектуалов его времени К.Ясперс был единственным, кто открыто признавал преступления нацистов. М. Московиц утверждает, что только он выступал в Германии с призывом к своим соотечественникам покаяться и искупить свою вину за массовые убийства людей[11]. Лишь для такого человека, пережившего в Германии все 12 лет нацистской власти, никогда не сотрудничавшего с режимом, была возможна такая принципиальная, твердая позиция.

В послевоенной Германии почти никто не решался открыто выступать с политическими заявлениями. Тактика замалчивания («Verschweigerung») стала повсеместной. В отличие от другого философа-экзистенциалиста Мартина Хайдеггера, все 12 лет правления Гитлера являвшегося членом НСДАП, у Ясперса не было причин молчать. «Ни один человек не может, будучи честным, отказаться от политической активности[12]», - заявлял он.

Не случайно после войны Ясперс стал восприниматься как «символ изменившихся времен и оценок», «Praeceptor Germaniae» (Учитель Германии). В 1945 году он возвращается к препо-

даванию, сначала в Гейдельберге, а с 1947 года – в Базеле. В 1946 году философ пишет одну из самых известных своих работ – «Вопрос о вине» (Die Shuldfrage). В университетских аудиториях, где сразу после войны стал выступать Ясперс, он подвергался обструкции студентов. Мало кому нравились идеи покаяния, смирения, ответственности за совершенное нацистами, которые он отстаивал в лекциях и в своих философских работах. Далеко не все немцы решились бы в то время открыто поддерживать непопулярную оккупационную политику союзников, необходимость огромных репараций и депортаций. В секретном докладе капитан американской контрразведки Дэниэл Пенхэм описал то, каким образом выступление Ясперса было встречено в университетской аудитории в феврале 1946 года: «В течение лекции профессора Ясперса студенты начинали смеяться, шаркать ногами по полу при упоминании демократии, в связи с духовной ситуацией Германии. Как только это началось, профессор Ясперс прервал лекцию и объявил, что он не потерпит подобных выступлений[13]». В письме Ханне Арендт Ясперс говорит о той враждебной обстановке, которая его окружала в эти годы: «…За моей спиной люди клевещут на меня: коммунисты называют меня ярым сторонником национал-социализма; сердитые неудачники – предателем своей страны[14]».

Действительно, националисты обвинили философа в предательстве. Юрист, мыслитель Карл Шмидт, арестованный американцами за связи с нацистами, обвинил К.Ясперса в инициировании официально санкционированной союзниками культуры вины[15]. Апологетом проНАТОвской политики ФРГ называли философа в Восточной Германии.

Общественное мнение Германии после войны придерживалось двух кардинально отличных друг от друга позиций. С одной стороны, поражение в войне воспринималось как унизительная капитуляция, подавление немецких культурных и политических устремлений. Сторонником этой точки зрения был поддерживавший нацистов Мартин Хайдеггер. С другой стороны, освобождение Германии с помощью союзников рассматривалось как возможность духовного и политического обновления и возрождения. Этой мысли придерживался Карл Ясперс.

Именно она и была положена в основу его работы «Вопрос о вине», написанной в 1946 году. Но еще за 15 лет до этого философ попытался распознать глубинную основу процессов, происходивших в мире, в своей работе «Духовная ситуация времени». Интенция Ясперса выражается цитируемым им И.В. Гете, который еще за век до этого пришел к убеждению, что «человечество станет умнее и рассудительнее, но не лучше, счастливее и деятельнее. Я предвижу время, - писал И.В. Гете, - когда человечество не будет больше радовать Бога, и он будет вынужден вновь все разрушить для обновленного творения[16]».

Период, в котором человек оказывается наедине перед ничто, связан с ощущением пустоты, отмечает мыслитель. Мир лишается твердой опоры. Источник этого процесса лежит в сфере духовной жизни, К.Ясперс называет его «разбожествлением»: «Это разбожествление - не неверие отдельных людей, а возможное последствие духовного развития, которое в данном случае в самом деле ведет в ничто. Возникает ощущение никогда ранее не испытанной пустоты бытия…[17]» Эту пустоту человечество пытается заменить искусственно: механизацией жизни и абсолютизацией своего «я». Но тем самым ощущение пустоты только углубляется. «То, что ни один бог за тысячелетие не сделал для человека, человек делает сам. Вероятно, он надеялся узреть в этой деятельности бытие, но, испуганный, оказался перед им самим созданной пустотой[18]».

В своей первой послевоенной работе («Вопрос о вине»), К.Ясперс развивает мысли, изложенные в «Духовной ситуации времени». Автор видит причину разразившейся катастрофы в духовном «кризисе человечества[19]», связанном с «потерей и трансформацией всякой веры[20]». Обращаясь к Германии, К.Ясперс ставит вопрос о вине немцев и стремится подвергнуть судьбу своего народа «историческому, а, следовательно, и этическому самоанализу».

Данный процесс должен произойти, прежде всего, в силу того обстоятельства, что вся немецкая нация оказалась в пограничной ситуации (Grenzsituation). В судьбе миллионов немцев этой ситуацией стала смерть близких людей, в судьбе всей нации – страдания народа. Благодаря пограничной ситуации появилась возможность осознать хрупкость и конечность своего существования, поставить вопросы о смысле жизни. Важно, что трагедия Второй мировой войны открыла возможность немцам взглянуть на свою жизнь не с точки зрения величия нации, расового превосходства, классовой вражды или политических убеждений. Она дала возможность каждому взглянуть на себя как на человека. Война стала той пограничной ситуацией, в которой все конечное – иллюзии, страсти, военные сражения - обратилось в тлен, и немецкий народ оказался один на один перед лицом бесконечности. И в этих обстоятельствах ключевым моментом стало признание и осознание своей собственной вины.

«Искушение избежать этого вопроса (о вине – В.Р.) очевидно», - пишет К Ясперс. Слишком многие хотят ограничить горизонт своих исканий примитивными потребностями – «жить, но не думать». Однако философ не согласен с такой ограниченной постановкой вопроса. Он убежден, что «это (вопрос о вине – В.Р.) жизненно важный вопрос для немецкой души. Никакой другой путь не может привести нас к духовному возрождению <…> То, что победители нас осудили – политический факт, который имеет значительные последствия для нашей жизни, но это не помогает нам в решающем вопросе, в нашем внутреннем духовном возрождении. Здесь мы имеем дело с самими собой[21]».

Внутренней работе над собой философ уделяет огромное внимание. Поэтому К. Ясперс подчеркивает аспект вины людей за совершенные в нацистское время преступления. Вместе с тем сразу же возникает вопрос о том, справедливо ли осуждать весь народ за преступления нацизма? «Потсдамский тезис о «коллективной вине» немецкого народа за преступления гитлеровского режима, которая сделала неизбежной оккупацию страны, был отвергнут общественным мнением, но вопрос о причинах произошедшей катастрофы оставался для него центральным[22]», - пишет историк Ю. Ватлин.

Действительно, тезис о коллективной вине вызывал множество нареканий в общественном мнении. Многие жители Германии считали подход о всеобщей виновности нации навязанным западными державами-победительницами, и уже с осени 1945 года, по свидетельству Н.Смирновой[23], стал вырабатываться среди населения контртезис о коллективной невиновности немцев как «народа, опьяненного, соблазненного и затем преданного национал-социализмом».

Таким образом, точка зрения о «коллективной вине» всего немецкого народа многим давала возможность полностью отрицать свою собственную вину, считает исследователь Х. Хабихт[24]. Возможно, поэтому в послевоенной Германии нередко наблюдалось стремление списать катастрофу нацизма на действие иррациональных сил[25], завладевших народными массами. Тем самым искусственно создавалось представление о детерминированности исторического процесса.

Карл Ясперс выступал против тезиса о «коллективной вине» немецкого народа, однако для обоснования своей позиции ему потребовалось проанализировать сущность и типы вины. Осознавая сложность процесса осознания соотечественниками собственной ответственности за преступления нацизма, Карл Ясперс дифференцированно подошел к основному вопросу своей книги. Философ выделил **четыре вида вины**. Первый вид – **уголовная вина**, которая лежит на совершивших уголовные преступления, и которую вправе устанавливать только суд. Второй вид – **политическая вина**. С точки зрения К.Ясперса, «все ответственны за то, как ими правят». Определение этого типа вины находится в юрисдикции победителя, считает исследователь. Политическая вина означает «ответственность всех граждан за последствия действий, совершенных их государством[26]», но не связана с уголовным и моральным аспектом поведения отдельного гражданина. Третий вид – **моральная (нравственная) вина**. Речь идет о моральной ответственности каждого человека за его собственные поступки. К. Ясперс не склонен принимать расхожее утверждение «приказ есть приказ». Даже если преступления совершались по приказу, «каждое действие остается предметом морального приговора[27]». В этом вопросе все решает совесть человека и моральные принципы, принятые в кругу его родных и близких. Причем если политическая и уголовная вина может быть определена судом и победителем, то моральную вину следует обсуждать в кругу единомышленников при наличии доверия и солидарности. Последний, четвертый тип вины – **вина метафизическая**. Она связана с чувством «ответственности за каждое неверное и несправедливое действие в мире, особенно за преступления, совершенные в присутствии человека или известные ему». Формула метафизической вины такова: «Если мне не удастся сделать все, что я могу, чтобы воспрепятствовать преступлению, я так же виноват[28]». Виновность человека с метафизической точки зрения, как полагает К. Ясперс, определяет один только Бог.

Для автора наибольшее значение имеют два последних типа вины. С одной стороны, на морально-нравственном и, прежде всего, на метафизическом уровне произошло зарождение духовного кризиса немецкого народа. Ключевую роль К. Ясперс отводит метафизическому аспекту, поскольку он убежден, что, освободившись от этого типа вины, «люди бы стали ангелами и все прочие три концепции вины стали бы несущественными[29]». К. Ясперс утверждает, что именно духовные проблемы породили необратимые процессы в развитии целой нации: «Моральные слабости вызвали условия, при которых возникли как уголовная, так и политическая вина[30]».

С другой стороны, именно эти две сферы (морально-нравственная и метафизическая) открывают возможность для подлинного возрождения страны. Если за уголовные преступления следует наказание, а политическая вина предусматривает ответственность, выражаемую в репарациях, ограничении политической власти и депортациях, то значительно более серьезные последствия, с точки зрения К. Ясперса, происходят в результате признания морально-нравственного и метафизического типов вины. Морально-нравственный аспект связан с внутренним развитием человека и включает в себя такие понятия, как раскаяние и обновление; метафизическое измерение «приводит к трансформации человеческого самосознания перед Богом[31]». Философ останавливается подробно на характере этой трансформации. «Гордость разбита, - пишет он, - эта самотрансформация с помощью внутренней деятельности может привести к новому источнику активной жизни, но к тому источнику, который связан с неизгладимым чувством вины и «смирением <…> перед Богом», где «высокомерие становится невозможным».

Особое значение двух указанных аспектов вины подтверждается в контексте обсуждения вопроса об источнике обвинений. Если за уголовные и политические ошибки обвинения выдвигаются извне, то моральная и метафизическая вина – дело исключительно личное. «С моральной точки зрения человек может осуждать только самого себя <…> никто не может морально осудить другого[32]», - подчеркивает К. Ясперс.

Концепция четырех видов вины позволила философу обосновать свой протест против

концепции «коллективной вины» немцев. Мыслитель выступал против стремления объяснить все процессы типологическими особенностями национального характера, поскольку «не существует такого понятия, как люди в целом[33]». «Люди в целом не могут героически жертвовать собой, не могут быть преступниками, не могут поступать морально или аморально[34]». К. Ясперс писал: «Совершенно очевидно, что бессмысленно не только возлагать моральную вину на всех людей[35]», но и обвинять всю нацию за преступления отдельных ее представителей. Морально-нравственный и метафизический аспекты вины подразумевают внутреннее преображение личности, которое невозможно на коллективном уровне. Что же касается уголовной вины, то и в этом случае наказание возможно лишь для тех людей, которые непосредственно участвовали в совершении преступления. Доказывая ограниченность и пагубность тезиса о «коллективной вине», К. Ясперс вспомнил о распятии Христа книжниками и фарисеями. Мысль о том, что все люди виновны в крестной смерти Иисуса, показалась философу подобной мысли о «коллективной вине» немецкого народа за преступления нацизма[36]. Группа людей может нести только политическую ответственность – в этом был убежден К. Ясперс.

Разрешение проблемы о «коллективной вине» немецкого народа было необходимо для того, чтобы появилась возможность избавиться от наследия «коллективного мышления», которое являлось объектом критики К. Ясперса. В заключительной главе, которая называется «Наше очищение», философ пишет, что, совершая это «очищение», немцы вновь «должны отбросить коллективное мышление[37]». «Любое реальное изменение происходит только через отдельного человека[38]», - подчеркивает мыслитель.

С точки зрения К. Ясперса, задача каждого жителя Германии заключалась в том, чтобы, отказавшись от иллюзий собственной благопристойности и изначальной честности, взглянуть на себя и свое прошлое как можно более беспристрастно. Сложность данного процесса объяснялась тем, что нахождение и признание собственных недостатков всегда болезненно для человека. Особую остроту этот вопрос приобрел для Германии, поскольку именно в этой стране нацизм представлял собой, прежде всего, конкретных людей, стоявших за конкретными преступлениями. Но без понимания и переживания своих ошибок невозможно их исправление, был убежден К. Ясперс. Без распознания собственного греха невозможно покаяние (от греческого «μετάνοια» - изменение ума), которое является главным условием духовного очищения, о котором говорил К. Ясперс. «Мы вынуждены очистить себя вне зависимости от того, в чем найдет себя каждый виновным, настолько глубоко, насколько это возможно с помощью реституции, возмещении убытков, внутреннего обновления и (внутренней) метаморфозы[39]».

Философ понимал, что на этом пути множество искушений, свойственных человеческой природе. Многими в немецком обществе владело желание не думать о своих ошибках, воспользоваться различными оправданиями, «ложными импульсами и инстинктами[40]». Перечисляя эти соблазны, К. Ясперс, в конце концов, предлагает всем немцам альтернативу: «Или ощущение вины <…> постоянно вновь переживаемое нашей совестью, становится основной чертой нашего немецкого самосознания – в этом случае наша душа проходит путь изменения – или мы опускаемся до усредненной незначительности индифферентного простого существования. Тогда никакой искренний поиск Бога больше не разбудит наше сердце, тогда истинная природа бытия больше не будет нам открыта, тогда мы больше не услышим трансцендентное значение нашей возвышенной поэзии и искусства и музыки и философии…[41]».

Эта мысль ярко прослеживается у К. Ясперса, постоянно говорящего о духовных истоках постигшей его народ трагедии. Фактически философ ставит принципиальный для всего человечества вопрос: или главная ценность – достаток, внешние блага и (само)довольство «простого существования» наподобие животных – или главной заботой человека является очищение его уникальной богоподобной души. Однозначно решая для себя эту дилемму, мыслитель приходит к выводу, что «нет иного пути для немцев, <…> чем очищение из глубины сознания вины[42]».

Что же означает этот процесс на деле? Иными словами, что нужно для этого сделать помимо внутренней работы над собой? Прежде всего, это –«возмещение убытков», выплата «законно утвержденных репараций», что естественно вызовет «затягивание потуже поясов[43]». Что же касается изменений в сознании народа, то К. Ясперс призывает смириться со всеми выпадающими на долю Германии трудностями: «смирение становится нашей природой[44]», <…> «мы готовы понести то, что нам уготовано судьбой[45]». И это необходимое условие для духовного освобождения, убежден К. Ясперс. Он напоминает, что «очищение достигается преимущественно не внешними действиями, не с помощью наружной отделки, не магией[46]». Это бесконечный процесс – в силу того, что человек при этом становится на путь совершенства, который в конечном итоге ведет его к Богу. «Очищение – внутренний процесс, который никогда не кончается, но в котором мы беспрестанно становимся самими собой[47]», - писал К. Ясперс. Именно тогда проявляется уникальная, богоподобная личность, одно из основных свойств которой – свобода. «Все вновь и вновь выходят на дорожную развилку, становясь перед выбором между светом и тьмой[48]», - подчеркивает философ. От этого выбора зависит не только внутреннее обновление людей, но и будущее всего государства. Как утверждает К. Ясперс, «очищение – предпосылка также нашей политической свободы, так как только сознание вины ведет к сознанию солидарности и ответственности, без которой невозможна свобода[49]».

Как в «Духовной ситуации времени», так и в «Вопросе о вине» К. Ясперс призывает избавиться от гордости – по его мнению, главного источника нравственного разложения человека. И для этого, прежде всего, необходимо смирение – ключевой элемент самосознания будущей немецкой нации. К. Ясперс призывает к настоящему подвигу поистине христианской силы: «Мы должны искать нападок скорее, чем избегать их[50]». В таком случае у человека появляется возможность трезво взглянуть на свои поступки и избавиться от ложного принципа детерминизма, приписывающего все человеческие неприятности и несовершенства условиям среды и влиянию извне. Желание сравнить себя с другими, оправдать себя обстоятельствами видится выражением той же гордости[51], считает К. Ясперс. Единственный выход из сложившегося положения он видит в том же принципе смирения. «От высокомерия нет спасения. Ему надо пройти суровую школу объективности; оно должно научиться первой христианской добродетели – смирению и усвоить его. Ибо в смирении человек постепенно становится тем, чем на самом деле должен быть. Ему раскрывается высота и глубина, он предстает пред Лицем Господа и чувствует себя в Руце Божией[52]», - писал русский мыслитель И. А. Ильин.

Этим предстоянием К. Ясперс и завершает свой труд, цитируя слова из книги пророка Иеремии. Пророка уводят их разрушенного Иерусалима. Ученик в отчаянии. «Иеремия отвечает: Так скажи ему – так говорит Господь: «Вот, что я построил – разрушу, и что насадил – искореню <…> А ты просишь себе великого? Не проси…[53]» Этот ответ пророка Иеремии означает для К. Ясперса только одно: «То, что Бог есть, достаточно. Тогда как все вещи постепенно исчезают, Господь остается. Это единственная неизмененная величина[54]». «Наша доля – смирение и сдержанность[55]», - такими словами заканчивается книга К. Ясперса.

Трудно переоценить вклад Карла Ясперса в формирование послевоенного мышления Германии. Призывая своих соотечественников задуматься над собственным прошлым, философ свидетельствовал о необходимости искреннего покаяния, которое является непреложным условием духовного очищения и оздоровления человека. Впрочем, заслуга Ясперса видится не только в том, что он смог поставить человека перед лицом собственной совести, но и в том, что во многом благодаря ему в основу самосознания немецкого народа было положено чувство ответственности и сознание вины за преступления нацизма. До сих пор Германия развивается в русле данной парадигмы мышления.

Чувство ответственности за свое прошлое для К. Ясперса неразрывно связано с утверждением христианского взгляда на мир, не допускающего бессмысленности происходящих и произошедших событий. Идеи мыслителя были исполнены христианского чувства, которое вместе с ним разделяли (и развивали) многие представители общественности и политической жизни Германии. Результатом их усилий стало то обстоятельство, что основанные после войны партии Христианско-Демократический Союз и Христианско-Социальный Союз до сего дня играют ключевую роль в формировании немецкой политики.

Идеи Карла Ясперса, высказанные им в работе «Вопрос о вине», фактически определили все послевоенное развитие Германии, заложили основу процесса преодоления тоталитарного прошлого как на уровне нации, так и на уровне каждого отдельного человека.

Rulinskiy V.V. «The Question of Guilt» In Karl Jaspers' Works.

Summary: *The article deals with "the question of guilt"- German's responsibility for Nazism and unleashing the Second World War. The author analyses the book "The question of German guilt" (Shuldfrage) by philosopher-existentionalist Karl Jaspers and his role in establishing German post-war mind paradigm.*

Ключевые слова

Карл Ясперс, проблема вины, история Германии, немецкая философия.

Keywords

Karl Jaspers, the question of guilt, German history, German philosophy.

Примечания

1. Franck D. ``Jahre unseres Lebens. 1945-1949``. Reinbek bei Hamburg, Rowohlt Taschenbuch Verlag GmbH, S. 105.
2. N.Frei «"Siegerjustiz?" Das Problem der Kriegsverbrecher». Цит. по: Studt C. «Die Deutschen im 20. Jahrhundert": ein historisches Lesebuch. München, Beck, S. 199.
3. Eisenhardt U. "Von Mitläufern und anderen Deutschen". Цит. по: Studt C. «Die Deutschen im 20. Jahrhundert": ein historisches Lesebuch. München, Beck, S. 199.
4. Franck D. ``Jahre unseres Lebens. 1945-1949``. Reinbek bei Hamburg, Rowohlt Taschenbuch Verlag GmbH, S. 104.
5. Wolgast Eike, prof. «Vergangeheitsbewaeltigung in der unmittelbaren Nachkriegszeit». (http://www.uni-heidelberg.de/uni/presse/RuCa3_97/wolgast.htm)
6. Цит. по: Franck D. ``Jahre unseres Lebens. 1945-1949``. Reinbek bei Hamburg, Rowohlt Taschenbuch Verlag GmbH, S. 104.
7. Ватлин А.Ю. «Германия в XX веке». М.: Роспен, с.136-137.
8. Смирнова Н.А. «Нюрнбергский процесс и послевоенная Германия». (http://pravgos.narod.ru/nurnberg/doc/smirnova_doc.htm)
9. Левицкий С.А. «Христианский экзистенциализм. Философия Карла Ясперса». Трагедия свободы. М., Канон, 1995, с.292.
10. Некоторые исследователи утверждают, что в тот момент, чтобы избежать ареста со стороны нацистов, Карл и Гертруда Ясперс готовились к одновременному самоубийству.
11. Moskowitz M. "The Germans and the Jews: Postwar Report", Commentary, no. 1-2 (1946).
12. Jaspers K. "A reply to My Critics", in the "Philosophy of Karl Jaspers, ed. Paul Arthur Schlipp (LaSalle, Ill.: Open Court, 1981), 753.

13. Penham D. "Report to 307th Counter Intelligence Corps Detachment Headquaters Seventh United States Army" February 23, 1946. Crum Papers, Marshal Research Library, Lexington, Va.
14. Jaspers K. to Hannah Arendt, September 18, 1946, in Correspondence of Hannah Arendt and Karl Jaspers , 1926-1969, ed.
15. Schmitt Carl, "Ex Cativitate Salus": Erfahrungen der Zeit 1945/47 (Cologne, 1950), 70.
16. Ясперс К. «Смысл и назначение истории». «Духовная ситуация времени». М.: Политиздат, 1991, с.293.
17. Там же, с.299.
18. Там же.
19. Там же.
20. Jaspers K. "The question of German guilt". New York. The Dial Press. 1947, P. 24
21. Там же, P. 28.
22. Ватлин А.Ю. «Германия в XX веке». М.: Роспен, с.136-137.
23. Смирнова Н.А. «Нюрнбергский процесс и послевоенная Германия». (http://pravgos.narod.ru/nurnberg/doc/smirnova_doc.htm)
24. Kogon E. "Die unvollendete Erneuerung". Deutschland in Kräftefeld 1945-1963. Politische und gesellschaftliche Aufsätze aus zwei Jahrzehnten. Frankfurt an Main, Europäische Verlagsanstalt, 1964, S. 5.
25. Например, в журнале «Вызов» огромное значение придавалось ослеплению немецкого народа перед лицом Геббельсовской пропаганды. См. Der Ruf I, Nr.2, S.12. Цит. по: Kleßmann C. „Die doppelte Staatsgründung": deutsche Geschichte 1945 – 1955. Bonn, Bundeszentrale für politische Ausbildung, 1991, S. 175.
26. Jaspers K. "The question of German guilt". New York. The Dial Press. 1947, P. 32-33.
27. Там же, P. 32.
28. Там же.
29. Там же.
30. Там же, P. 34.
31. Там же, P. 36.
32. Там же, P. 39
33. Там же, P. 41.
34. Там же.
35. Там же, P. 40.
36. Там же, P. 42.
37. Там же, P. 102.
38. Там же.
39. Там же, P. 104.
40. Там же.
41. Там же, P. 118.
42. Там же.
43. Там же.
44. Там же, P. 119.
45. Там же, P. 119-120.
46. Там же, P. 120.
47. Там же.
48. Там же.
49. Там же, P. 120-121.
50. Там же, P. 122.
51. Именно поэтому первым детерминистом В.Н. Лосский называет Адама, отпавшего от Бога вследствие гордости и сразу же нашедшего оправдание в том, что запретный плод дала ему жена, которую ему дал Господь. См. Лосский В.Н. «Догматическое богословие». Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Москва. Общество любителей православной литературы. Издательство им. свт. Льва, папы Римского, 2009, с. 503.
52. Ильин И.А. «Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий». «Книга раздумий и тихих созерцаний». М.: Альта-Принт, 2008, с. 94-95.
53. Там же, P. 122.
54. Там же, P. 122-123.
55. Там же, P. 123.